

личность знаменитаго дѣятеля, игравшаго такую роль въ судьбахъ Европы.

Карлъ V давно долженъ былъ возбуждать къ себѣ интересъ Кудрявцева. „Кто хоть разъ,—говоритъ Кудрявцевъ,—проходилъ съ мыслию разные перемѣны въ судьбахъ Карла, тотъ никогда не можетъ изгладить изъ своей памяти этого величественнаго печальнаго образа, заживо схоронившаго въ монастырѣ свое царственное величіе и свои колоссальныя замыслы. Чувство, возбуждаемое его судьбою, нельзя назвать симпатіею, но оно почти равняется ей своимъ постоянствомъ и неизмѣнностью. Карла нельзя приравнять ни къ одному изъ великихъ дѣятелей стараго и новаго времени; онъ стоитъ отдѣльно, самъ по себѣ, поражая обращенную къ нему мысль не столько величавымъ видомъ, сколько таинственностью своего выраженія. Дивисься его неослабной душевной силѣ при постоянной физической болѣзненности; съ изумленіемъ взвѣшиваешь міровыя средства, отданныя судьбою въ его распоряженіе, и, зная притомъ его неутомимую дѣятельность, не знаешь, чему приписать недостатокъ великихъ результатовъ... Кто болѣе его беспокоился всю жизнь и кто менѣе пожалъ истинной славы отъ трудовъ своихъ?.. Не оттого ли ужъ вѣнецъ истинно великаго чловѣка миновалъ его голову, что онъ имѣлъ противъ себя таинственную силу рока, съ которою ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть равной борьбы? Но такой фатализмъ былъ бы очень страннымъ явленіемъ среди другихъ весьма разумныхъ движеній въ исторіи того времени“.

„А это добровольное и вмѣстѣ таинственное отреченіе Карла V отъ власти, которымъ такъ неожиданно для всѣхъ разрѣшилась его многолѣтняя государственная дѣятельность? Было ли оно естественнымъ слѣдствіемъ усталости послѣ многихъ лѣтъ самаго напряженнаго вниманія къ дѣламъ, или, можетъ быть, источникомъ его было не столько отвращеніе къ дѣламъ, сколько накопившееся презрѣніе къ лицамъ и утрата всякой вѣры въ достоинство ихъ дѣйствій? Во всякомъ случаѣ, дѣло непринужденнаго и соединеннаго съ торжественностью отреченія Карла V стоитъ одиноко въ исторіи и всегда останется привлекательнымъ для мысли, хотя бы только ради своей оригинальности“.

Вниманіе Кудрявцева къ Карлу V было еще болѣе возбуждено почти одновременнымъ появленіемъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ трехъ монографій о Карлѣ V, на англійскомъ и французскомъ языкахъ, которыя всѣ касались его пребыванія въ монастырѣ и изображали этотъ періодъ его жизни съ помощью новыхъ матеріаловъ. Особенное значеніе имѣла для Кудрявцева